

И В РАДОСТИ, И В ГОРЕ

«ПРЕДАННЕЕ ТЕБЯ У МЕНЯ НЕТ НИКОГО ИЗ МОИХ ДРУЗЕЙ...».

(Н. Островский — П. Новикову).

Открываю вторую часть романа «Как закалялась сталь», нахожу нужное место: «В Харькове остановился у своего приятеля Пети Новикова...». Ну, все верно, тот самый Новиков — ведь только самым-самым близким своим друзьям Островский не менял в романе фамилии и имени.

И вот он в Сочи — человек, которого связывали многие годы дружбы с легендарным писателем, которому адресованы сотни писем Николая Островского... Он уже далеко не молод, но глаза живые-живые, и фигура по-мальчишески худощавая, немного угловатая, а движения энергичные, порывистые — да неужто и впрямь ему восемьдесят?

— Петр Николаевич, мы рады видеть вас в Сочи, городе, который связан прочными нитями с именем Николая Алексеевича Островского, с его жизнью, с доброй памятью о нем. И нам, сочинцам, конечно же, хочется поближе познакомиться с вами, с человеком, которого Николай Островский так горячо любил, дружбу с которым так высоко ценил. При каких обстоятельствах вы встретились впервые, что положило начало вашей дружбе?

— Познакомились мы в Киеве. Было это в 21-м году. Так получилось, что на одном железнодорожном вокзале ждали своих поездов два парнишки. Прикурили от одного огонька, разговорились. Случайные соседи по вокзальной лавке проговорили всю ночь, до рассвета, пока не пришли их поезда. Вот так мы познакомились.

— Но, значит, было что-то общее у вас, если два незнакомых человека с первой встречи нашли тему для беседы на всю ночь — так?

— Очевидно, было... Ну, биографию Николая Алексеевича вы хорошо знаете, ее пересказывать нет нужды. А я — что я? До революции жил в Петрограде, работал на кафельном заводе. После революции стал красноармейцем. Служил в ВЧК. Частенько по делам службы ездил в командировки из Харькова, где находился штаб нашей части. Вот как раз в одну из таких командировок и произошла наша встреча с Николаем, о которой вы расспрашиваете.

А говорили мы в ту ночь с ним о том, что было вокруг нас — о тифе и о первых победах красноармейцев, о го-лоде и о новой жизни. И, конечно, о том, какая она будет, эта новая жизнь. Николай, помню, еще рассказывал, о ранении шрапнелью в голову и в живот, о том, как его, по-

лумерного, подобрал комиссар, отправил в киевский госпиталь, где на удивление всем и прежде всего самому себе, он выжил и откуда недавно выписался.

— И вот с той ночи на киевском вокзале, с той первой встречи началась ваша дружба?

— Не совсем так. Мы расстались с явной симпатией друг к другу, но, как водилось в то бурное время, даже не обменялись адресами. Какие там адреса, когда шла гражданская война и когда каждый день мог оказаться для тебя последним. А второй раз мы встретились лишь спустя три года, в августе 1924, в Харькове. Островский приехал в ЦК комсомола Украины (Харьков был тогда столицей республики) хлопотать о санитарной путевке. Встретились мы совершенно случайно, но обрадовались искренне, как будто всю жизнь до этого знали друг друга. И вот с той поры нас связывала прочная нить, которая не прерывалась никогда, до последнего часа жизни Николая.

— В 1924 году Островский не только не был знаменитым писателем, но, очевидно, и не помышлял ни о каком писательстве. Ведь это гораздо позже миллионы людей узнали о его подвиге, о его поразительном мужестве. А вот тогда, в начале двадцатых, когда он был совершенно неизвестным, обыкновенным пареньком, какой был у него характер?

— Такой же. Несгибаемый. Уж чего-чего, а мужества ему было не занимать... Вот зимой 1925 пришел я в очередной раз навестить его, он тогда лечился в харьковском медицинском институте. Островский вдруг заявляет:

— А знаешь, Петр, меня по-слезавтра оперируют.

Я, честно говоря, растерялся, ведь до этого ни о какой

операции никто ни слова не говорил.

— Зачем рисковать? — спрашиваю Николая, — ведь тебя отдыхать положили, а не резать.

— Не могу больше, — отвечает, — я уже твердо решил. Гарантируют совершенно здоровую ногу. Обещают даже, что смогу танцевать. В конце концов, «ничего страшного»: вскрыв колено, выбросить суставную сумку и еще что-то там, а на это место поставить здоровую ткань. Ерундовое дело. Говорят, уйду отсюда без палочки...

К сожалению, операция не помогла. Не помогло и послеоперационное лечение в Евпатории. На исходе лета 1926 года Николай снова приехал в Харьков, остановился у меня. Я уступил ему диван, а сам переселился на письменный стол. Островский всячески подтрунивал над моей импровизированной постелью. «Вон, посмотрите, как хорошо Петро изображает теперь живого покойника», — говорил он моим друзьям.

Оперированная нога уже не сгибалась в колене, сильно болела, на нее чельзя было наступать. Но не столько физические страдания мучили Николая, сколько то, что он не мог работать. Вернее, не мог найти подходящую работу. Я пытался помочь ему в этом, искал по всему Харькову, но где можно было найти дело для человека, который в состоянии был только лежать или в лучшем случае сидеть, не двигаясь? И все-таки Островский не потерял оптимизма. Он решил ехать в Москву:

— СССР большой, — улыбнулся он мне на прощание, — все равно для всех работа найдется.

...Как вскоре выяснилось, именно в эту пору Николай Островский создал свой план возвращения в строй. В октябре 1927 года он сообщил Новикову в письме: «Собираюсь писать «историко-лирическо-героическую повесть», а если отбросить шутку, то всерьез хочу писать, не знаю, что только будет...» Островский с радостью оповещает своего друга о первых успехах на литературном фронте. «Стараюсь работать по совести», — пишет он. Судя по переписке тех лет, Новиков не меньше самого Островского радовался первым успехам Николая. Но истинная дружба, говорят, познается не столько в радости, сколько в беде. Если это верно, то дружба Новикова с Островским выдержала экзамен на прочность сполна. Выдержала многолетне и многократно. Вот письма, датированные тем же 1927 годом. Одно из них, от 29 июня, Островский пишет Новикову из Горячего Ключа, куда он ездил лечиться:

«И денег ни гроша. А тут еще физические страдания высшего напряжения. Такая каша, что я одурел и махнул на все рукой... что будет, то и будет».

А уже 9 июля он отправляет Петру письмо с такими строчками:

«Милый Петрунь! Получил только что от почтальона 25 карбованцев. Откуда сие? В чем дело? У меня не предвиделось ниоткуда «грошовой помощи». Оказывается, есть еще в Харькове один чудак со слишком нежной душой...»

В самые тяжелые минуты, когда боль в ногах и в позвоночнике доводила до отчаяния, когда жизнь казалась беспросветной, Николай Островский обращается к нему, Петру Новикову — своему самому верному, самому преданному другу. Вот письмо Островского от 30 декабря 1926 г., которое он пишет из Новороссийска:

«...У меня какой-то наплыв тяжелый, и воля, сдерживающая до сих пор все эти невзгоды, утомилась порядком, я боюсь — прорвется, и я надеюсь глупостей. Ты меня не за-

бывай, Петр, пиши, о чем захочешь: о своих приключениях и увлечениях и т. д., о всех, кого я знаю. В общем найди тему. Ты ведь литератор иногда...»

Получив это письмо, Петр тотчас же отвечает другу, стараясь поддержать его:

«1927 год, 3 января, Харьков. Дорогой Коля!

Не бузи, потому что в мире все относительно. Тебе неважно сейчас потому, что на улице вместо бодящего мороза — норд-ост с водичкой, посланный нам всевышним за грехи прародительские.

Побольше шамай, плюй на все, имеющее хотя бы наем на пессимизм, будь то даже величина значительнее Шопенгауэра, и состояние организма стабилизируется. А это ступень к общему оздоровлению, исключая возможность наихудшего «глупостей»...»

В последующих письмах Новиков сообщает Островскому, что выписал ему «Правду» и украинскую газету «Коммунист». Спрашивает, что еще выписать из периодических изданий. Беспокоится, достаточно ли другу литературы.

— Петр Николаевич, прокомментируйте, пожалуйста, фразу Островского: «Ты ведь литератор иногда...». Вы тоже в ту пору увлекались писательством?

— В общем-то, да. По основной своей специальности я, правда, далек от писательства, я ведь «технар», инженер-строитель, но литературой увлекался всегда. В частности, восточной поэзией. Сам писал стихи. И до сего дня не порываю с литературой, как могу, стараюсь оставаться преданным ей. Вот и нынешняя командировка в Сочи связана с моими литературными интересами. Заканчиваю работу над вторым изданием своей книги «Счастье быть бойцом», которая должна выйти в нынешнем году в издательстве «Молодая гвардия». В связи с этим в сочинском музее Николая Островского уточняю кое-какие документы, главным образом письма.

— И еще такой вопрос. В сочинский период жизни Островского у вас ведь тоже шла активная переписка — чему, главным образом, посвящалась она?

— Всем радостям и всем невзгодам жизни. Как всегда. Помню, Коля тогда обзавелся радио, в связи с этим тоже было немало писем, кое-какие частные просьбы.

— А давайте вспомним хотя бы два-три из этих писем.

— Пожалуйста, вот они все, выбирайте какие угодно для публикации.

«...Петя, я тебя опять нагружаю просьбой... Работает мой одноламповый ВВ только при двухламповом усилителе, тогда прекрасно слышно, а так только береговую радиостанцию слышу... Теперь я тебя прошу, пойдй, Петя, в Гощевей. машину — она торгует радио, — и спроси, сколько стоит двухламповый усилитель и приемнику ВВ, также и лампы «Микро» и могут ли они мне их выслать».

1928 год, 2 ноября, Сочи»

«...Спрашиваешь, получил ли я радиобарахло? Я получил давно от тебя усилитель и две лампы, но усилитель не барахло, а прекрасная машина...»

друзьям — матери и Рае. И так, мы достигли желанного, большого хотеть не надо. Принимаем почти всю Европу и СССР, чего еще надо...»

1929 год, 2 февраля, Сочи».

— «Лилипут» в то время считался чудом радиотехники, — вспоминает Петр Николаевич. — Я бегал по знакомым, заводил связи с людьми, ведающими такими редкостными радиотехниками. С большим трудом, но все-таки удалось достать этот «Лилипут».

— Петр Николаевич, письма Островского к вам как бы воссоздают страницы его жизни. Как вам удалось сохранить их?

— А с письмами Николая я не расставался никогда, даже в годы войны.

...Двадцать неизвестных писем Николая Островского к Петру Новикову были опубликованы в «Комсомольской правде» в 1965 году. На эту публикацию в редакцию поступило множество откликов от молодых читателей «Комсомолии». Они просили и даже требовали выпустить отдельным изданием эти письма.

Книга «Письма к другу» вышла в 1968 году. Ее выпустило издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

По «Письмам к другу» Харьковский театр имени Ленинского комсомола поставил спектакль. А два года назад на основе этого спектакля Центральное телевидение создало полнометражный фильм. Кстати, письма Петра Новикова, адресованные Николаю Островскому, в этом фильме читает сам автор. В прошлом году телевидение сделало еще один шаг к созданию документального фильма — «Так закатилась сталь». В нем П. Н. Новиков подробно рассказывает о своем друге и о себе.

— Петр Николаевич, вот вы сказали, что сейчас заканчиваете работу над вторым изданием своей книги. Очевидно, в ней будут какие-то новые документы, в том числе, возможно, и кое-какие из ваших писем к Николаю Островскому из числа тех, что еще не публиковались?

— Неуроченно будут.

— Вот бы опубликовать хотя бы одно из них на страницах нашей «Черноморки».

— А что? Это идея. Коля любил Сочи, он жил здесь, у него в Сочи было немало друзей, так что я с удовольствием предоставляю сочинской газете право первой публикации. Вот хотя бы небольшой отрывок из шуточного послания, которое я отправил Николаю в сентябре 1927 года:

«Здравствуй, сын солнца и луны, отвергнутый божественной матерью за то, что в Евпатории увиливал от лунных ванн».

Здравствуй, шепетовский «стеклянный», конармейский гармонист, киевский монтер, безраздельный предводитель молодежи, мед-технический выдумщик и просветитель темных душ, евпаторийский король шахмат, харьковский и московский колобок, новороссийский истребитель куриных яиц и повсеместный покори-тель сердец! Мы докладываем тебе, о необыкновенный рыцарь, никем не победимый воин, надежда и утешение деда-чат, смущение и великий обличитель нахальных ребят, что твои поручения выполнены...»

— Я понимаю, — улыбается Петр Николаевич, — что такое странное обращение требует пояснения. В октябре 1927 года я получил от Николая очередное письмо, а как раз в это время у меня находились друзья, тоже хорошо знавшие Островского. Мы усе-лись вокруг стола, и как заправские запорожцы, почесывая затылки, стали хором сочинять ответ в духе знамени-того послания турецкому султану. Дело в том, что великий жизнелюб Островский сам любил пошутить, даже в трудные дни своей жизни. Но особенно любил, когда получал шуточные письма от своих родных и друзей.

Интервью вел
А. ШАДРИНА.
Фото И. ГРИГОРОВА.